

ВОЙНА ЦѢНА ОТД. № ВЪ РОЗН. ПРОДАЖѢ 25 К. И НА СТ. ЖЕЛ. ДОР. 30 К. НОВЫЙ САТИРИКОН

№ 47

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

1916
17 НОЯБРЯ.

Рис. Ре-ми.

КАКЪ ПРИНИМАЮТЪ.

- Скажите, Иванъ Ивановичъ принимаетъ?
- Принимаетъ
- У себя въ кабинетѣ?

3
КОНТРАФИТИРОВАННО
ВЪ СТАН

ВСЯ НѢМЕЦКАЯ АРМІЯ ЖАЖДЕТЪ МИРА.

— Не понимаю — почему столько говорятъ о звѣрствахъ нашихъ нѣмецкихъ солдатъ... По-моему, я не знаю солдатъ болѣе „мирно“ настроенныхъ..

ЧИСТИЛЬЩИКЪ САПОГЪ.

Я — бандитъ, искатель приключеній,
Я бы быть морскимъ пиратомъ могъ,
Жажду я геройскихъ ощущений,
Жить огнемъ порывовъ, увлеченій,
Но (увы!) я — чистильщикъ сапогъ!
Мнѣ противна мирной жизни скверна,
Финскій ножъ, — мой старыи амулетъ,
Я люблю Майнъ-Рида и Жюль-Верна
И мила мнѣ грязная таверна,
Мнѣ, прожившему пока 15 лѣтъ!
О, когда бъ добраться мнѣ до прерій,
Гдѣ не страшень будетъ злой отецъ
Или здѣсь найти, по крайней мѣрѣ,
Королеву — маленькую Мэри
И купить себѣ большой дворецъ.
Стать отважнымъ, ловкимъ Пинкертономъ,
Иль бѣжать таинственно съ галеръ
И, скрываясь по глухимъ притонамъ,
Золото на столъ швырять со звономъ
И ласкать, и цѣловать гетеръ.
Не хочу я быть всю жизнь лакеемъ,
Чистить обувь, словно идиотъ,
А не то мы, чортъ возьми, сумѣемъ,
Чтобы стать острожникомъ, злодѣемъ,
Проколоть прохожему животъ!

Юрій Zubовскій.

ДОРОГОВИЗНА.

(Монологъ дамы.)

Арк. Аверченко.

Не знаю, что будетъ дальше, но сейчасъ жить рѣшительно невозможно.

Вы знаете: есть такія капли отъ грудной боли «Астматинъ доктора Пурье». Ну, — Пурье и Пурье... Подумаешь, какая важность — докторъ Пурье. Раньше на него, можетъ быть, и смотрѣть бы не захотѣли, а теперь... Теперь даже Пурье можетъ быть персоной въ четырнадцать рублей за флаконъ.

Не вѣрите? Увѣряю васъ. Я сейчасъ вамъ все разскажу.

«Нѣтъ повѣсти печальнѣе на свѣтѣ», какъ говорилъ одинъ куплетистъ.

Заболѣла у меня грудь...

Ну, конечно, разъ болитъ грудь, — первое средство эти проклятыя капли: «Астматинъ доктора Пурье».

Ѣду. Захожу въ одинъ аптекарскій магазинъ:

— «Астматинъ Пурье» есть?

— Нѣтъ.

— А сколько онъ сейчасъ стоитъ?

— Четырнадцать рублей.

— Боже, какой ужасъ! А это что такое?

— Это? Кремъ для рукъ и лица «Перль индіанъ».

— Почему?

— Одиннадцать рублей совсѣмъ, съ упаковкой.

— Значитъ, на три рубля дешевле «Астматина»?

— Такъ точно. И упаковка.

Я себѣ и думаю: прямой расчетъ купить этотъ «Перль индіанъ»: три рубля цѣликомъ остаются въ карманѣ.

— Дайте.

Выхожу изъ магазина. Выходить-то я выхожу, а грудь-то у меня болѣтъ-болитъ, какъ и раньше. Все равно, вижу, безъ «Астматина» не обойтись.

Захожу въ другой магазинъ:

— «Астматинъ Пурье» есть?

— Еще не получали.

— Вотъ наказание! Того не получали, этого не получали... Что же вы тогда и получили?

— А вотъ мы, сударыня, получили гудру «Клитія» для бронеотокъ, желтую, номеръ первый — Institut de beauté...

— Да что вы говорите?! Почему?

— Семь, съ упаковкой.

— Значитъ, вдвое дешевле «Астматина»?

— Такъ точно. И кромѣ того, ровно ложится на кожу, незамѣтна на лицѣ, не засоряетъ поръ.

Какая прелесть!

— Дайте.

Дайте-то дайте, но проклятая грудь не хочетъ уняться: болитъ себѣ и болить.

Какъ на зло и въ третьемъ магазинѣ не оказалось этого дурацкаго Пурье.

— Извините, нѣтъ, — бормочетъ приказчикъ. — Вотъ только «Одоръ де тартаръ» Гельди получили—чудные духи.

А у меня какъ разъ никогда этихъ духовъ не было. И потомъ — Гельди! Одна изъ самыхъ солидныхъ фирмъ.

— Сколько?

— Тридцать два рубля.

Я даже возмутилась.

— Съ какой же это стати? «Астматинъ» стоитъ всего четырнадцать рублей, а за какой-то «Одоръ де-тартаръ» вы дерете тридцать два.

— Сударыня, — говоритъ онъ. — Но вѣдь «Астматинъ» только для груди, а духи употребляются на всѣ части тѣла.

Положимъ, что вѣрно. Если это такъ, то тридцать два рубля, по сравненію съ какимъ-то груднымъ Пурье — даже дешево.

И вы можете представить? Я была еще въ двухъ магазинахъ... купила «Кремъ Діанъ Пуатье», «Велуръ де-Сень-Жермень-д'Оксерруа» и только въ шестомъ магазинѣ нашла этого идиотскаго грудного Пурье!

Такъ вы можете представить — за «Кремъ Діанъ Пуатье» (смягчаетъ шею и плечи, уничтожаетъ желтыя пятна съ корнемъ) я заплатила двѣнадцать рублей, за «Велуръ де-Сень-Жермень-д'Оксерруа» съ меня взяли всего восемь — за этакое-то двухъ-аршинное названіе! А за какого-то несчастнаго Пурье безо всякаго милосердія съ меня содрали тѣ же четырнадцать!

Такъ вотъ вы и посчитайте теперь — во сколько мнѣ моя грудная боль обошлась: «Перль-Индіанъ» и «Клитія» — восемнадцать, «Одоръ-де-тартаръ», «Кремъ Діанъ Пуатье» и «Велуръ де-Сень-Жермень-д'Оксерруа» — пятьдесятъ два, да извозчикъ пять рублей за эти поѣздки содралъ — вотъ вамъ семьдесятъ пять рублей одна грудь обошлась! Вообразите же, если бы я вся была больна!..

Пауза.

— Я, конечно, жаловалась на всю эту безумную дороговизну мужу, но онъ ничего не понимаетъ.

— Матушка моя, — говоритъ онъ. — Но вѣдь ты же эти семьдесятъ пять рублей не только за грудного Пурье заплатила... Тутъ тебѣ и Велуръ, и Тартаръ, и Пуатье, и «Перль-де-Сень-Жермень»!

Это по его такъ выходитъ!

А если я всѣ эти вещи, когда подѣхала къ дому, за была на извозчикѣ — такъ во что мнѣ обошелся Пурье, ну-ка?

Прямо не понимаю: какъ это бѣдные лѣчатся при подобной дороговизнѣ?!

Аркадій Аверченко.

МЫ И ОГЛЫ.

Грекъ Оглы-Моглы три года держалъ на окраинѣ Воронежа преческую кухмистерскую. Сербъ Пятаковичъ тридцать три года ходилъ по городу съ обезьяной, которая подъ аккомпаниментъ Пятаковичева бубна показывала, «какъ старая бабка въ кабацкѣ бѣжитъ».

Жили оба тихо и мирно, питаясь отъ трудовъ своихъ.

Но однажды Оглы-Моглы увидѣлъ Алешку Пятаковича безъ обезьяны и въ такомъ костюмѣ, что хотъ въ театръ на галерку въ немъ иди.

Алешка заявилъ, что сейчасъ идетъ война, что сербамъ приходится круто, что черезъ Воронежъ ѣхали сербы, увидѣли Алешку и дали ему рубль, чтобы и онъ ѣхалъ.

Оглы улыбнулся.

— Вы сербъ драться! Грекъ мирна. Грекъ не воюетъ. На это Алешка отвѣтилъ:

— Ходи на добровольца.

Оглы задумался. * * *

Думалъ два дня, а на третій повѣсилъ на окнѣ объявленіе.

«И очень проста. Здается кухъ и мистерска. Патаму ѣдемъ добровольцемъ. Послѣдній обѣдъ въ субботу на двойной цѣна».

Мы прочитали это объявленіе отъ альфы до омеги.

Потомъ устроили маленькое совѣщаніе, результатомъ котораго было рѣшеніе посѣтить прощальный обѣдъ.

Грекъ стоялъ за прилавкомъ и чистилъ ружье, такое же старое, какъ стара въ городѣ мостовая.

Послѣ обѣда мы подозвали Оглы.

— Оглы, вы ѣдете на войну?

— О микронъ.

— Что вы тамъ будете дѣлать, Оглы?

— Я будете воевать.

Самый экспансивный изъ насъ подошелъ къ Оглы и сказалъ:

— Оглы! Воюйте, воюйте сколько хотите, но только не дѣлайте одного! Изъ чувства симпатіи къ Сербіи, къ многострадальной Сербіи, мы просимъ васъ, Оглы, объ одномъ: попавъ въ армію, приложите всѣ силы къ тому, чтобы никто

не узналъ о вашихъ кулинарныхъ способностяхъ и не опредѣлилъ васъ на кухню! Оглы! Вы испортите желудокъ всей арміи, вы въ одинъ обѣдъ отнимете то, что сильно сейчасъ у сербовъ — бодрый духъ! Оглы, посмотрите на насъ! Какими жизнерадостными мы вошли въ первый разъ въ вашу кухмистерскую и какъ мы корчимся теперь отъ нестерпимой желудочной боли! Оглы! Воюйте, но будьте далеко отъ кухни, не будьте Іудой бѣднаго народа!

Оглы крѣпко пожалъ протянутую руку и отвѣтилъ:

— Ма! Карашо. Я, какъ говорится, закопаю свою таланту въ яму...

Мы долго качали Оглы...

Евграфъ Дольскій.

Т Ъ Н И.

Видишь, въ сумракѣ туманномъ
Подъ окномъ толпятся тѣни,
Чуешь запахъ ихъ мышинный,
Слышишь топотъ ихъ въ тиши?
Это будни, это воры,
Духи косности и лѣни,
Моль, съѣдающая бархатъ
Королевы прѣзь — души.

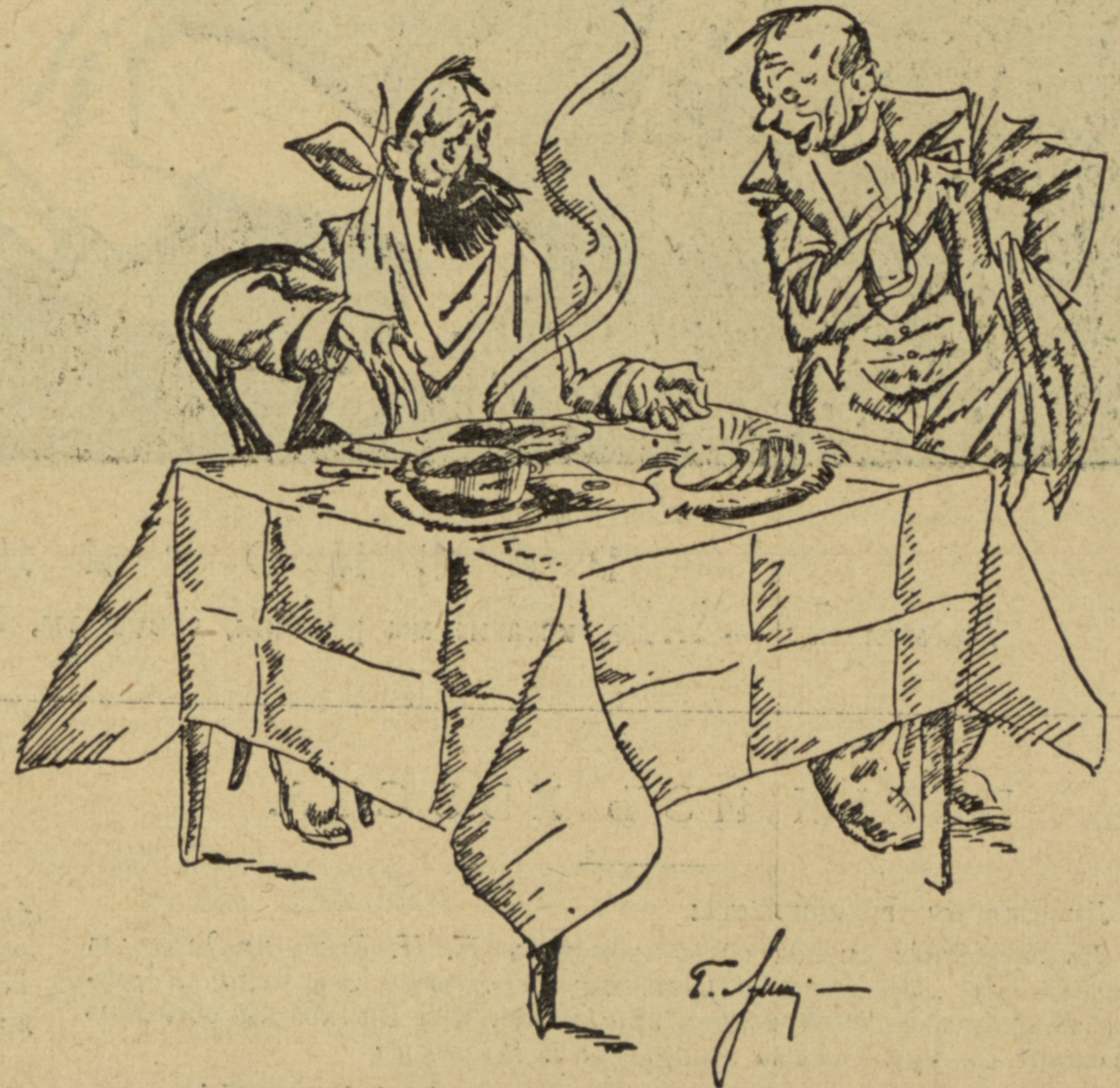
Сумракъ гуще, тѣни ближе...
Зажигай свѣчу скорѣе...
Ночь долга, часы гягучи,
Черны нити темноты...
Королева одинока...
Бриллиантъ у ней на шеѣ,
Бархатъ нѣжно золотистый
Скрытъ лилеи наготы.

Снимутъ воры чудный камень,
Бархатъ шелковый источать...
Королева — и нагая —
Это ужасъ и позоръ!
Кто былъ преданъ королевѣ,
Кто спасти ее захочетъ,
Не сомкнетъ ни на минуту
Подъ пескомъ дремоты взоръ.

Обнажить онъ шпагу смѣло.
Пажъ — не рабъ, а рыцарь вѣрный;
Кто умретъ за королеву,
Будетъ славенъ, какъ король...
Видишь — тѣни, видишь — воры,
Слышишь шопотъ ихъ пещерный,
Душу... душу — королеву
Имъ опрабить не позволъ.

Алексій Липецкій.

Рис. Б. Антоновскаго.

ВЫХОДЪ ИЗЪ ПОЛОЖЕНІЯ.

— Послушайте, человекъ! Это мясо дурно пахнетъ.
— Прикажете открыть вентиляторъ?

РАСПОРЯДИЛИСЬ.

Вильгельмъ: — ... Да, кстати: мы рѣшили, чтобы ты, Польша, была королевствомъ. Такъ я тамъ распоряджусь.

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

Лучезарныя возможности:

Въ засѣданіи синода оберъ-прокуроръ Н. П. Раевъ предложилъ въ редакторы „Приходскаго Листка“ редактора журнала „Лукоморье“ Бѣлковскаго, оговорившись при этомъ, что Бѣлковскій обѣщаль ближайшее сотрудничество юмориста г. Ренникова.

Приводя это извѣстіе, „Петрогр. Листокъ“ спрашиваетъ:

Отчего жъ бы ужъ не предложить г. Аверченко „Церковныя Въдольности“, а г. Азову — „Христіанское Чтеніе“?

Положа руку на сердце, отъ себя, спросимъ:

— А развѣ это было бы такъ ужъ плохо?

Объявленіе въ тифлисскихъ газетахъ:

Циркъ бр. Есиковскихъ. Вторая гастроль знаменитаго поэта-футуриста Василія Каменскаго, который въ костюмѣ Стеньки Разина, верхомъ на конѣ, исполнитъ стихъ изъ своего романа „Стенька Разинъ“ и скажетъ рѣчь о поэзіи цирка. Сегодня выходъ всѣхъ клоуновъ.

Василій Каменскій — рыжій.

Лошадь — бѣлая.

По этимъ признакамъ публика только и можетъ отличить ихъ другъ отъ друга.

С Л О В О — С Е Р Е Б Р О .

— Голубчикъ! Милый мой! А я къ вамъ. Вы были на первомъ засѣданіи Государственной Думы?

— Какже, былъ.

— Благодаритель! Расскажите, — что тамъ такое говорилось, — страхъ интересно!

— А, съ удовольствіемъ! Что прикажете разсказать?

— Ну вотъ... Что поворилъ Милуковъ.

— Да сдѣлайте одолженіе! Выходите, значитъ, на трибуну Милуковъ... Это вѣдь, знаете — тотъ самый Милуковъ, который въ Америкѣ былъ...

— Какже, знаю.

— Ну, вотъ. Лекціи онъ тамъ читалъ. Америка, вѣдь, батенька, такая страна, что туда прѣдешь — большія деньги можно лекціями заработать.

— Да что Милуковъ говорилъ-то?

— Ахъ, Милуковъ? Да говорилъ онъ такъ: «Господа, говорить, члены Государственной Думы...» Вы понимаете, у насъ въ Россіи они называются членами Государственной Думы, а во Франціи ихъ зовутъ депутатами; въ Англии же наоборотъ...

— Позвольте, да говорилъ-то онъ, что? Что онъ сказалъ съ кафедръ?

— Да это не кафедра называется... Это называется: трибуна. Она такая, деревянная и по краямъ...

— Чортъ васъ подери, — да Милуковъ-то говорилъ, что-нибудь или нѣтъ?

— Говорилъ. Конечно, говорилъ. Я самъ слышалъ. Хотя мѣста для зрителей отведены наверху, и хотя передо мной сидѣла этакая дама въ опромной шляпѣ... И когда онъ прекратятъ разорять мужей на эти глупости?..

— Это Милуковъ говорилъ?!

— Нѣтъ, это я вамъ говорю.

— Да плевать мнѣ на то, что вы говорите!!

— Ахъ, такъ? (Съ достоинствомъ.) Послѣ этого всѣ дружескіе разговоры между нами и всякія сообщенія едва ли могутъ имѣть мѣсто...

Возмущенный, поворачивается спиной. Уходитъ.

Медуза-Горгона.

О Г Н Ю .

Брызги, красный огонь, изъ меня,
Чтобы міръ этотъ блѣдный и сонный
Подъ ударомъ живого огня
Заметался, вскричалъ, изступленный.

Чтобы бурный, лишившійся сна,
Въ ненасытности глаза и уха,
Онъ изъ самага сердца, со дна,
Исторгалъ бы сокровища духа.

Чтобы кровью моею обожженъ,
Онъ забылъ колыбельныя пѣсни.
Чтобы первый и вѣчный мой сонъ
Я позналъ среди кликовъ: «Воскресни!»

Ал. Вознесенскій.

КОГДА ПЕРЕСТАНУТЪ УДИВЛЯТЬСЯ.

Чихать и удивляться очень полезно для организма. Относительно перваго утверждаютъ всѣ отрывные календари съ медицинскими совѣтами. Во второмъ я убѣжденъ самъ. Человѣкъ, который еще удивляется — не растерялъ жизнерадостности, а послѣдняя умѣло связана опытной рукой природы со здоровымъ желудкомъ и хорошей печенью.

Съ этой точки зрѣнія какой-нибудь захудалый доисторическій человѣкъ жилъ полной жизнью. Цѣлые дни онъ могъ только ѣсть и удивляться.

Трехногій олень, долгій морской приливъ, падающая звѣзда, окаменѣлый грибокъ—все это были бесплатныя развлечения для пустого и добраго малаго. Вся природа и бытіе были для него музеемъ восковыхъ фигуръ, куда его пустили на цѣлую жизнь по контромаркѣ.

Человѣчество стало дряхлѣть, какъ худой восьмиклассникъ, котораго сосѣдскія горничныя научили всѣмъ запрет-

нымъ тайнамъ, а услужливо высланныя въ закрытомъ конвертѣ парижскія фотографіи разомъ прекратили своей осведомленностью весь полетъ фантазіи.

Насъ еще кое-что забавляетъ. Мертвыя петли въ воздухѣ. Фотографія подъ водой и еще нѣсколько фокусовъ...

Но вотъ пройдетъ еще сто-двѣсти лѣтъ, и у человѣка отнимется одна изъ лучшихъ минутъ: удивленіе. Тогда будетъ, навѣрное, очень тяжело жить.

* * *

Инженеръ Штромъ оторвалъ календарный листокъ, ту-по посмотрѣлъ на цифру 2043 и уныло зѣвнулъ:

— Еще три дня до 2044-го. Скучно. Пойти полетать что-ли...

Онъ сѣлъ въ одномѣстную аэропролетку и полетѣлъ на одно изъ дежурныхъ облаковъ, остановленное надъ городомъ мѣстными властями для удобства летающей публики.

Онъ зналъ, что на этомъ облакѣ продаютъ вкусное пиво и можно встрѣтить знакомыхъ.

Онъ не ошибся. Толстый Брайтъ уже сидѣлъ за столикомъ и, вставивъ штепсель въ ухо, слушалъ музыку изъ какого-то городка по радиотелеграфу.

— Здравствуйте, Штромъ.

— Здравствуйте, Брайтъ. Куда вы отсюда?

— Къ мадамъ Фирсъ. У нея сегодня именины седьмого мужа. Шесть остальныхъ прислали свои карточки съ приглашеніемъ. Необходимо слетать.

— Ага, — зѣвнулъ Штромъ, — можно. У нея всегда вкусно кормятъ. Опять, навѣрное, будутъ электрическія почки съ разноцвѣтными фонарями внутри.

— Говорятъ, что ея дочка отъ пятого дежурнаго супруга сошлась съ какимъ-то механикомъ.

— Ей уже больше семи лѣтъ. Сама разбирается.

— Ничего удивительнаго. Мой двоюродный братъ шести лѣтъ читалъ лекціи по химіи, а къ одиннадцати былъ дѣдушкой.

— Кстати, о дѣдушкѣ. Говорятъ, что вашъ дядя ненадолго умеръ на прошлой недѣлѣ? Успѣлъ что-нибудь сдѣлать?

— Видете ли, Штромъ... Конечно, я послалъ его сердце на оживительную станцію, но, по правдѣ говоря, просилъ задержать его немного въ починкѣ. Пусть старикашка полежитъ немного мертвымъ: онъ, признаться, надоѣлъ мнѣ своей болтовней, и я хочу отдохнуть отъ него.

— Да, это вы правы. Со стариками ничего не подѣлаешь. Попробуйте отдать его въ институтъ Феркайда. Онъ очень много беретъ, но зато тамъ передѣлываютъ стариковъ въ домашнихъ животныхъ и берутъ очень недорого. Говорятъ, вся работа производится сжатымъ воздухомъ, а воздухъ вамъ можетъ сжать любой городской за долларъ. За что только берутъ деньги.

— Ну-съ... Мы, кажется, заболтались... Ёдемъ, значитъ, къ ней?

Полетѣли.

* * *

У госпожи Фирсъ была довольно уютная квартира на 84 саженьяхъ глубины подъ водой. Дѣтишки весело рѣзвились въ водолазныхъ костюмчикахъ около виллы, играли въ лошадки съ молодыми дельфинами и кидали пескомъ въ проплывавшихъ акулъ, которыя грозно смотрѣли изъ-подъ намордниковъ, надѣтыхъ на нихъ предусмотрительной морской полиціей.

— Милости просимъ,—встрѣтила ихъ мадамъ Фирсъ,—ужинъ подъ столомъ и давно ждетъ васъ.

— Мерси... Мы, собственно говоря, поѣли съ Брайтомъ.

Госпожа Фирсъ направила на животъ Штрома рентгеновскій лучъ изъ столоваго аппарата и засмѣялась.

— Сколько вы съѣли телятины, Брайтъ... И какая скверная... Ни одинъ кусочекъ еще не успѣлъ перевариться...

— Мы посидимъ такъ.

Столъ защелкалъ разными дверцами, и на его поверхности стали появляться обѣденныя блюда.

— Здѣсь еще живые голуби, мистеръ Брайтъ, — сказала хозяйка, — выберите, который вамъ понравится... Вставьте въ него штепсель, и онъ сейчасъ же изжарится. Сметаной онъ уже накормленъ на городской станціи.

Гостямъ очень понравился молодой ручной китенокъ, который плавалъ въ сжатомъ воздухѣ, улыбался и говорилъ папа-мама.

КРОВНО ОБИЖЕННАЯ РЫБА.

Акула: — Ахъ, сосѣдка, знаешь — мнѣ сегодня было такъ стыдно, такъ стыдно, такъ стыдно!!..

— Почему?

— Меня приняли издали за германскую подводную лодку.

— Это мнѣ стоило большихъ трудовъ. Теперь онъ очень хорошо говоритъ электричествомъ.

Послѣ обѣда гуляли по дну, любуясь солнечнымъ закатомъ, специально заказаннымъ госпожей Фирсъ изъ остатковъ вчерашняго солнца, скопленныхъ казенной свѣтовой станціей при помощи радіо-лучей.

— Эти радіо-идіоты не умѣютъ эффектно устраивать закатъ, — проворчалъ Штромъ, — да къ тому же это и надоѣло... Ёдемте, Брайтъ... Насъ дожидается на берегу нашъ аэро-осель. Какъ бы онъ не уснулъ.

Небольшая платформа подняла ихъ наверхъ къ аллеѣ изъ спущенной воды, и они подошли къ берегу.

Штромъ былъ правъ. Ихъ аэрошофферъ заказалъ по телефону въ частной снодѣлательной компани сонъ на три часа о своей невѣстѣ и храпѣлъ въ особую металлическую храповницу, заглушающую рѣзкіе звуки.

Брайтъ злобно вырвалъ у него штепсель изъ головы и приказалъ подхлестнуть радіо-кнутомъ проппелеръ.

* * *

Дома ждала тоже скука. Какая-то аэрококотка летала передъ окнами и радіоподмигивала на какой-то подземный притонъ.

— Мужчина, прокати на субмариночкѣ! — протелефонировала она, уцѣпившись за проводъ Штрома.

— Лети, лети... — хмуро ютозвался Штромъ.

Онъ выглянулъ въ окно. Правительственный кинематографъ проектировалъ на небѣ доводы о новомъ налогѣ. Кто-то недовольный пытался изъ дома широкимъ свѣтовымъ лучомъ стереть правительственныя слова. Аэро-полицейскій поймалъ свѣтовой лучъ и записалъ его номеръ.

Штромъ звѣнулъ и позвонилъ къ сонныхъ дѣлъ мастеру, на сосѣдней улицѣ.

— Алло! Говоритъ Штромъ. Пришлите четыре сна. Смотрите только не путайте. Въ прошлой разъ вы мнѣ прислали сонъ какого-то подмастерья, и цѣлую ночь я видѣлъ, какъ торгуюсь изъ-за двухъ долларовъ съ сапожникомъ... Пошлете? Скорѣе.

— Какая скука, — проворчалъ Штромъ. — А вѣдь въ чоисторическое время, когда были еще телефоны и на кинематографъ смотрѣли, какъ на удовольствіе, люди были... Принесли свѣжій сонъ.

* * *

Въ такое время люди ничему не будутъ удивляться. У нихъ будутъ заспанная лица, оловянные глаза и кожаное сердце. Какъ хорошо, что я не доживу до этого времени.

Арк. Буховъ.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ

Въ странѣ вальсовъ.

Веселые вѣнцы:

Какъ извѣстно, въ Вѣнѣ были организованы народныя столовыя, имѣвшія цѣль оказывать поддержку бѣднѣйшему населенію города. По полученнымъ свѣдѣніямъ, въ теченіе небольшого промежутка времени изъ этихъ столовыхъ украдено до 100,000 комплектовъ столовыхъ приборовъ.

Древніе говорили:

„Все мое ношу съ собою“

Новые перефразировали это:

„Все чужое уношу съ собою“...

Кто на что способенъ.

Какъ извѣстно, нѣмцы сбрасывали съ аэроплановъ подъ Бухарестомъ отравленныя конфеты и зараженный холерными бактеріями хлѣбъ...

А вотъ что сбрасываютъ на землю своихъ враговъ англичане:

Германское официальное сообщеніе отмѣчаетъ слѣдующій фактъ: „На фронтѣ рѣки Соммы англійскій летчикъ сбросилъ за германской линіей вѣнокъ съ слѣдующей надписью: „Въ память погибшаго Бэльке, нашего храбраго и рыцарскаго противника отъ англійскаго корпуса“.

По-нашему, это все лишнее.

Если передъ свиньей попытаться сыграть колыбельную пѣсню — она даже не захрюкаетъ. Уткнется носомъ въ кормушку съ корками и начнетъ внимательно выбирать, которая поаппетитнѣе...

Воздушный вопросъ.

Изъ „Петроградской Газеты“:

Петроградскіе булочники проявляютъ прямо-таки, эдиссоновскую изобрѣтательность!

Съ искусствомъ, достойнымъ лучшей участи, выдѣлываютъ они, на примѣръ, слобныя булки и сладкіе хлѣбцы. Взглянешъ на этотъ товаръ, — пріятно дѣлается: булочки крупныя, видныя, есть за что гривенникъ заплатить. Но заплатишь и начнешъ ихъ ѣсть, сразу разочаруешься: въ булочкахъ-то оказывается очень крупная начинка изъ чистѣйшаго воздуха. Хлѣбцы и булочки, такимъ образомъ, представляютъ собою кусокъ „атмосферы“, обтянутый корочкой изъ тѣста.

Хорошо еще, если бы продавали такимъ образомъ воздухъ хорошаго качества, свѣжій. Проткнулъ бы булку пальцемъ бѣдный покупатель, да и подышалъ немного свѣжимъ воздухомъ.

А на самомъ дѣлѣ воздухъ въ такой булкѣ спертый, затхлый — дышать нечѣмъ!..

Во-время.

Какъ бы вы назвали, господа, хозяина квартиры, который съѣлъ бы съ гостями играть въ винтъ въ той комнатѣ, въ которой въ этотъ моментъ перекрывается полъ, бѣлится потолокъ и оклеиваются обоями стѣны...

Какое опредѣленіе подлежитъ дать человѣку сему?..

Городской голова на-дняхъ созывалъ совѣщаніе гласныхъ о художественномъ управленіи Петрограда.

Мы знаемъ, что могло бы какъ слѣдуетъ украсить Петроградъ...

Новый умный городской голова.

Начало конца.

Вѣнскія газеты сообщаютъ о запрещеніи освѣщать кладбища во время войны.

Покойники, въ крайнемъ случаѣ, въ видѣ протеста перевернутся въ своихъ гробахъ да и баста.

А вотъ живые — должны отъ нижесказаннаго взвыть.

Особыя контрольныя комиссіи въ мясопустные дни будутъ посѣщать хозяйства частныхъ лицъ для контроля за тѣмъ, чтобы въ эти дни въ Австріи не употреблялось мясо.

Мы себя представляем, как это будеть.

— Здравствуйте. Мы контрольная комиссия.

— Ага... Чѣмъ могу.

— Ведите насъ на кухню. Посмотримъ, не варите ли вы сегодня мяса?

— Помилуйте, зачѣмъ же... Вотъ картофель, вотъ...

— Виновать! Это такой картофель? А вдругъ это маленький цыпленокъ? Мы должны попробовать... Гм! Нѣтъ, это картофель. Посмотримъ другую штучку. Дайте соли! Масло есть? Это у васъ масло? А вдругъ подъ нимъ говядина. Позвольте раскусить... Гм! По вкусу будто масло, а на самомъ дѣлѣ... Дайте-ка еще кусочекъ... Больше нѣтъ? Ну, все равно. Разъ нѣтъ — такъ и сомнѣнія не можетъ быть. Ну, хорошо. Варите вашъ картофель.

— Какой? Вы его весь слопали.

— Во-первыхъ, прошу объ официальной комиссиі такъ не выражаться; а во-вторыхъ... нѣтъ ли у васъ кусочка цвѣтной капусты или вареной рыбы?.. Мы бы тоже... тово, усомнились...

Порывистая натура.

Одно изъ самыхъ удивительныхъ писемъ въ редакцію:

Многоуважаемый г. редакторъ.

Мы, бывшія пациентки петроградскаго родовспомогательнаго заведенія, возмущены грубымъ и неумѣлымъ обращеніемъ директора-врача съ больными. На жалобы у него всегда одинъ отвѣтъ: — „Не нравятся вамъ наши порядки, — можете уходить!“ А „порядки“ вотъ какіе: у меня не замѣтили и оставили въ животѣ 8-мѣсячный плодъ, а у другой роженицы, какъ мнѣ рассказывали, директоръ, самъ, принимая ребенка, едва не оторвалъ ему голову.

Директоръ, очевидно, такъ радъ всякому свѣжему чело-вѣку, что готовъ голову ему оторвать.

Этакого директора бы да отправить въ Берлинъ. Онъ бы нѣмцамъ тамъ, принимая ихъ ребятъ, весь призывъ 1937 года перепортилъ.

„Ж“.

Въ этомъ же номерѣ помѣщенъ монологъ Арк. Аверченко объ одной тароватой дамочкѣ.

Если читатели назовутъ этотъ монологъ шаржемъ, преувеличеніемъ, то — пусть лучше не называютъ.

Пусть читатели увидятъ, что въ жизни наши матери, сестры и жены еще удивительнѣе:

Изъ „Одесск. Новостей“:

Карета „Скор. пом.“ была вызвана вчера въ домъ № 3 по Нарышкинскому спуску къ Русюкъ, 25 лѣтъ. Прибывшій врачъ установилъ, что у Русюкъ ожоги кисти руки и губъ, причиненные сѣрной кислотой.

Оказалось, что Русюкъ, по совѣту знакомой, чтобы избавиться отъ зубной боли, стала смазывать десну сѣрной кислотой.

Изъ „Петрогр. Газеты“:

Въ камерѣ мирового судьи 50-го участка слушалось рѣдкое бытовое дѣло.

Француженка М. Б. Миссонъ, имѣвшая отъ природы свѣтло-каштановые волосы, пожелала стать свѣтлой блондинкой. Прочла она публикацію парикмахера И. Я. Федорова, работающаго подъ псевдонимомъ Жана.

Жанъ въ самыхъ яркихъ краскахъ рекламировалъ себя, какъ специалиста по окраскѣ волосъ.

Г-жа Миссонъ отправилась къ Жану. Жанъ выкрасилъ Миссонъ. Сіяющая явилась она домой, но когда распустила волосы, то радость смѣнилась горькими слезами: волосы стали сыпаться и выпадать.

Въ полномъ отчаяніи Миссонъ прибѣжала въ парикмахерскую.

Жанъ сталъ ее успокаивать, говоря, что онъ, дѣйствительно, ошибся и схватилъ ѣдку краску, но дѣло поправимо и волосы даже лучше станутъ, если онъ эту краску вытравить и окрасить вновь настоящей краской.

Миссонъ на этотъ разъ была не одна, со своей пріятельницей, дабы имѣть свидѣтельницу.

Послѣ ряда манипуляцій Жана, Миссонъ совсѣмъ осталась безъ волосъ, такъ что и красить-то стало нечего.

Г-жа Миссонъ обратилась въ волосолечебницу къ врачу. Врачъ нашель, что гибель волосъ послѣдовала отъ руки Жана.

Миссонъ, вынужденная носить теперь парикъ, предъявила къ Жану искъ въ 500 рублей за леченіе волосъ и за два парика.

Читатели! Вѣдь это онъ самая, — все тѣ же, въ которыхъ мы влюбляемся, изъ-за которыхъ страдаемъ, стрѣляемъ и растрчиваемъ казенныя деньги.

Невесело все это.

Рис. Миссъ.

НѢТЬ ХУДА БЕЗЪ ДОБРА.

— Дарья, у насъ нѣтъ куса бѣлой, чистой бумаги?

— Сію минуту, барыня. Я дамъ сегодняшнюю газету.

Сказочное

Кто можетъ заботливѣе всего охранить вашу квартиру отъ чужихъ воровъ; кто, какъ ни случайно забредшій воръ?..

Проживающая въ д. № 84 по Невскому пр. жена колл. рег. А. Иванова, возвратившись вечеромъ въ свою квартиру, нашла у дверей висячій замокъ. При вскрытіи квартиры оказалось, что злоумышленники, взломавъ замокъ наружной двери, сорвали у второй двери, выходящей въ кухню, висячій замокъ и, зайдя въ квартиру, совершили разгромъ, похитивъ разныхъ цѣнныхъ и золотыхъ вещей на крупную сумму. И затѣмъ, уйдя, навѣсили большой замокъ, оставивъ при этомъ записку, чтобы на будущее время хозяева, при уходѣ изъ квартиръ не запирали на такіе „дѣтскіе запоры“ свои квартиры.

До сихъ поръ хозяева запирали свою квартиру отъ воровъ.

Теперь же — въ вѣкъ „шиворотъ-на-выворотъ“ — воры запираютъ квартиры отъ хозяевъ.

ЧАЙНАЯ РОЗА.

Онъ дрожалъ, онъ былъ, какъ въ бреду, какъ въ угарѣ,

Онъ крикнулъ: «Молчи — я ударю!»

Женщина ничепо не сказала,

Не шевельнулась даже,

Улыбкой отвѣтила на угрозу.

А приколотая къ корсажу

Чайная роза —

Увяла.

Лидія Лѣсная.

СКАЗКА О ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ СКРОМНОСТИ.

... А когда наступилъ сахарный кризисъ и сахаръ почти исчезъ на рынкѣ, одинъ Добрый Человѣкъ пришелъ въ ужасъ:

— Боже! Да что же теперь будутъ дѣлать всѣ эти несчастныя конфектныя фабрики, квасоваренныя и шипучно-лимонадныя заведенія?.. Вѣдь безъ сахара имъ зарѣзъ.

Обратился къ нимъ:

— Какъ вы существуете безъ сахара?

— И не говорите! Лучше не спрашивайте!

— Однако, надо вѣдь вамъ выпускать на рынокъ сладкіе продукты?

— Извѣстно, надо. Горькими не очень-то проживешь...

— Такъ какъ же, вы, а?

— И не спрашивайте! «Ты не спрашивай, не выпытывай», какъ поворить Тамара.

— Но вѣдь вамъ помочь надо? Знаете, что? Я похлопочу, чтобы вамъ разрѣшили пускать въ дѣло сахаринъ. Хотите? Онъ хотя и бесполезенъ для организма, но... вреда особаго тоже нѣтъ. Хотите?

— Да зачѣмъ же вамъ беспокоиться?

Однако, Добрый Человѣкъ имѣлъ подлинно золотое сердце.

Куда-то побѣжалъ, гдѣ-то умолялъ, кого-то настроилъ, кого-то застращаль, кого-то умаслилъ — разрѣшили лимонадно-шипучимъ и квасовареннымъ заведеніямъ сахаринъ.

Радостный, полетѣлъ Добрый Человѣкъ къ угнетеннымъ.

— Уже! Разрѣшили! Можете поблагодарить меня.

Квасоваренныя и шипучія заведенія только плечами пожали:

— Не за что.

— То есть, какъ такъ? Теперь сахаринъ можете въ ваши издѣлія класть.

— Тю на васъ! — засмѣялись квасовары, конфектники и шипучники. — А что же мы до сихъ поръ весь вѣкъ дѣлали?! Хи-хи.

* * *

Добрымъ Человѣкомъ, конечно, можно быть...

Но не Дуракомъ. Но не Дуракомъ. Но не Дуракомъ.

Волкъ.

M-LLE ФЛЕРИ.

Разказъ.

Калерія Викентьевна брезгливо оттолкнула тарелку и устремила на мужа уничтожающій взглядъ:

— Опять котлету ножомъ? Не умѣете вести себя, отбиваете аппетитъ . . . Невоспитаны, какъ сапожники!

Владимиръ Борисовичъ засопѣлъ и медленно побагровѣлъ пятнами, но не поднялъ лица отъ тарелки и продолжалъ рѣзать котлету ножомъ.

Калерія Викентьевна посмотрѣла на бѣлыя полотняныя ушки салфетки, повязанной вокругъ шеи мужа, и ей показалось, что они какъ-то по-особенному вызывающе топорчатся надъ его жирнымъ затылкомъ. Она поблѣднѣла и потерла похолодѣвшими пальцами увядшіе, припудренные виски:

— Невоспитанны и демонстративны! Самое мучительное въ васъ это — демонстративность. И дома, и на улицѣ, и въ гостяхъ съ вами одна пытка: косолапы, неучтивы . . . Вы! Да! Что смотрите? Ну, что?

Владимиръ Борисовичъ безпокойно задвигался на стулѣ, потомъ вдругъ выкатилъ на жену глаза и застучалъ по столу ножомъ:

— Невоспитанъ? Косолапъ? Потрудитесь нанять мнѣ гувернантку. Что-съ? Завтра же! Сегодня! Немедленно!!

Калерія Викентьевна страдальчески опустила вѣки и прикрыла уши ладонями, но Владимиръ Борисовичъ продолжалъ стучать:

— Десять лѣтъ воспитываете—воспитать не можете. Мнѣ надоѣли претензіи, надоѣли эти истерическіе выкрики: «Косолапъ!!» Потрудитесь пригласить гувернантку—специалистку по приданію лоска манерамъ. Какую-нибудь французженку поизящнѣе . . . Да-съ вы не пригласите,—я самъ распоряжусь . . . Не смѣете препятствовать: довели попреками . . . Косолапъ!?!

Онъ выльзъ изъ-за стола, прослѣдовалъ въ кабинетъ и преувеличенно-громко запыхтѣлъ въ телефонъ:

— Барышня, 16-83 . . . Бюро для найма? Потрудитесь немедленно прислать мнѣ хорошую гувернантку . . . Необходимо изящество манеръ и способность привить ихъ другому . . . Что-съ? Завтра? Хорошо, завтра утромъ . . . Об условіяхъ лично . . . Надеждинская, 43, 5.

Весь вечеръ Владимиръ Борисовичъ былъ особенно демонстративенъ и неучтивъ: напѣвалъ французскія пѣсенки, часто и подолгу разсматривалъ себя въ зеркало, суетливо вычищалъ застарѣлыя пятна на своемъ халатѣ. А утромъ тщательно выбрился, напмадилъ остатки волосъ вокругъ лысины и долго вертѣлся передъ трюмо, стараясь эффектно завязать шнуръ халата . . .

Калерія Викентьевна поджимала тонкія, увядшія губы и зорко наблюдала за мужемъ, надѣясь все же въ душѣ, что и разговоръ по телефону и всѣ приготовления — одна злостная мистификація.

Но во время завтрака кто-то позвонилъ въ передней, и въ столовую заглянула недоумѣвающая горничная:

— Тамъ барышня пришла, французженка что ли . . . Говорить, наниматься . . .

Калерія Викентьевна вспыхнула, но Владимиръ Борисовичъ не далъ ей распорядиться и поплылъ въ переднюю, торпливо запахивая полы халата.

Время шло, а онъ не возвращался . . . Черезъ полчаса Калерія Викентьевна не выдержала и пошла въ кабинетъ. Прежде чѣмъ войти, послушала у двери: за дверью шелестѣли шелковыя оборки и щебеталъ женскій голосъ, поминутно вставляя французскія слова и фразы.

Сдерживая подергиваніе губъ и неприятное біеніе сердца, Калерія Викентьевна вошла. Владимиръ Борисовичъ, расплывшійся, порозовѣвшій, самозабвенно созерцалъ сидящее напротивъ граціозное, бѣлокурое существо. При видѣ жены кашлянулъ и подобрался:

— Вотъ, душенька, m-lle Флери согласна на наши условія и сегодня же переселяется къ намъ . . . Приготовь маленькую гостиную и списокъ недостающихъ вещей изъ обстановки . . . Я поѣду, куплю . . . Я . . . кхэ . . . надѣюсь, m-lle будетъ хорошо чувствовать себя у насъ.

А m-lle Флери щебетала, скользя любопытными, смѣющимися глазками по высокой фигурѣ Калеріи Викентьевны, по ея безвкусному, черезчуръ нарядному капоту:

— Monsieur очень милъ . . . Мы поладимъ съ этимъ большимъ baby. Madame будетъ довольна: мы станемъ бла-

говоспитаннымъ и граціознымъ. Ха-ха-ха . . . Настоящимъ дэнди . . .

Калерія Викентьевна хотѣла сказать что-нибудь обидное, рѣзкое и мужу и этой щебечущей французженкѣ, но не могла справиться съ дрожаніемъ своихъ губъ, а m-lle Флери поднялась, шелестя оборками короткаго, моднаго платья и выпорхнула изъ кабинета, прошебетавъ въ дверяхъ:

— Прощайте, monsieur, до вечера, madame!

Вечеромъ она, дѣйствительно, явилась, въ сопровожденіи промаднаго чемодана и нѣсколькихъ картонокъ; наполнила квартиру шелестомъ своихъ юбокъ, запахомъ духовъ и щебетаньемъ . . .

Калерія Викентьевна заперлась въ спальнѣ и къ вечернему чаю не вышла. Сидѣла на кровати и слушала, какъ m-lle Флери щебетала въ столовой, хозяйничая вмѣсто нея.

Когда поздно вечеромъ Владимиръ Борисовичъ, оживленный, напѣвающій, вошелъ въ спальню, Калерія Викентьевна, заплаканная, некрасиво причесанная на ночь, уже лежала въ постели. Впиалась ненавидящими глазами въ мужа, но сдержалась и отвернулась къ стѣнѣ.

Владимиръ Борисовичъ преувеличенно вѣжливо оборвалъ пѣсенку:

— Pardon, я мѣшаю . . . Ты хочешь спать . . . Покойной ночи, дорогая.

На слѣдующее утро m-lle Флери дѣятельно приступила къ своимъ обязанностямъ:

— Какъ вы ножикъ держите? Фи, вцѣпились точно въ спасательный кругъ! . . . И не пыхтите! . . . Повяжите салфетку иначе . . . Вотъ такъ . . . Если вы будете послушны, послѣ завтрака мы пойдемъ гулять, а вечеромъ въ театр . . . Это необходимо — бывать въ обществѣ . . . Можетъ быть, и madame поѣдетъ съ нами?

Madame отказалась, но Владимира Борисовича m-lle Флери, дѣйствительно, повезла вечеромъ въ театр. Изъ гостиной Калерія Викентьевна слышала, какъ они собирались въ передней.

M-lle Флери щебетала:

— Застегните мнѣ ботинки . . . Да не пыхтите же, вотъ увалень! Надо привыкать быть услужливымъ и изящнымъ . . . Теперь шубку подайте. И не ждите же приказаній, надо самому догадываться! . . . Правда, сегодня первый день,—постепенно вы привыкнете быть любезнымъ и граціознымъ . . . О, madame будетъ довольна нами! . . .

Калерія Викентьевна гордо продержалась нѣсколько дней, потомъ не выдержала и, пользуясь отсутствіемъ мужа, пошла въ комнату французженки. Она волновалась до дурноты, но рѣшила быть непреклонной:

— Вы не находите, mademoiselle, что эта комедія слишкомъ затянулась? Пора кончить.

M-lle Флери порозовѣла и подняла слегка подведенныя бровки:

— Вы отказываете мнѣ? . . . А между тѣмъ monsieur сдѣлалъ большіе успѣхи. Вамъ не кажется? Впрочемъ, я не навязываюсь . . . Если мои услуги ненужны . . .

Она граціозно потянулась, закинула изнѣженные руки за голову и зѣвнула, маскируя зѣвокъ милой улыбкой:

— Я сама уже устала возиться съ такимъ большимъ, неповоротливымъ baby . . . Мнѣ очень жаль madame . . .

. . . На другой день m-lle Флери уѣхала.

Протесты Владимира Борисовича и умаливанія его не помогли. Тогда онъ впалъ въ мрачную ярость отчаянія: за обѣдомъ повязалъ салфетку по старому и демонстративно закапалъ ее соусомъ, ѣлъ съ ножа, опрокинулъ графинъ, каталъ мышей изъ хлѣба . . .

Но Калерія Викентьевна была торжествующе кротка и предупредительна . . .

Л. Григорьева.

Рис. Б. А.

Г А Л А Н Т Н Ы Й К А В А Л Е Р Ъ.

- Если, благодаря маленькой мышкѣ, я вижу ваши прелестныя ножки до колѣнъ, то...
- То?
- То мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы испугались слона!

Рис. Миссв.

КАКЪ ПОНИМАТЬ?

Продащица: — О, сударыня! Въ этихъ ботинкахъ вы можете далеко пойти!

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

А. Петроградъ.

Биноклю. — Бинокль могъ бы выпустить „Руководство къ легкому и безболѣзненному писанью плохихъ стиховъ“:

„Сижу я ужъ въ театрѣ,
Смотрю себѣ на сцену,
И замѣчаю въ партерѣ
Такого рода сцену...“

Вы пишете стихи — будто роуль въ узкую дверь протискиваете.

Г. Д. К. Поистинѣ, стихи сии законное удивленіе и страхъ у неопытнаго читателя вызвать должны, поелику написаны они тако:

„Донъ - Кихоть сражался съ мельницами
Мы же — съ мародерами,
Въ нихъ нужно стрѣлять стрѣльницами,
А не разговаривать разговоровъ.“

Стрѣльницей можно не только стрѣлять. Стрѣльницей можно плохого поэта просто бить по головѣ до умягченія оной.

М. Горсткину. — Горсткинъ чистосердечно заявляетъ, что онъ можетъ „шутить разныя шутки, остроги и даже цѣлые рассказы“...

Даже цѣлые рассказы?

Пошлетьже Господь столько таланта одному человѣку!

Шутить же остроги М. Горсткинъ такимъ образомъ:

— „Послушайте, зачѣмъ вы положили свои ноги на мой ку(?)стюмъ?“

— А какже? Надо по одежкѣ протягивать ножки“.

Если вы, Горсткинъ, разсчитываете существовать на гонораръ отъ подобныхъ острогъ, то рискуете протянуть ножки безъ всякой одежды.

Б. Провинція.

Оренбургъ. — Занду. „Я, конечно, могу у васъ сотрудничать, — пишеть добрякъ Зандъ, но раньше прошу сообщить мнѣ, большой ли журналъ „Новый Сатириконъ“!“

Большой!

Аршина два въ поперечникѣ.

Подходить вамъ?

Безъ города. — С. Могучему. — Вы пишете:

„Редиска единственная ягода, которую ѣдятъ съ солью“.

Будьте добры для слѣдующаго номера сообщить ваше мнѣніе объ апельсинахъ.

Ave.

Редакторъ А. Т. Аверченко.

Издатель Т-во „Н. Сатириконъ“.

1917 г.
Открыта подписка на 1917 г.

НА РОСКОШНУЮ ГАЛЛЕРЕЮ КАРТИНЪ ВЪ КРАСКАХЪ

100 картинъ. **Миръ Красоты** 100 картинъ.

Великолѣпная, богатая коллекція художественно исполненныхъ картинъ въ краскахъ, ежемесячными выпусками, по 8 и 10 отдельныхъ картинъ вложенныхъ въ изящныя обложки, съ П-ИЛОЖЕНІЕМЪ очерковъ съ ПОРТРЕТАМИ европейскихъ художниковъ:
100 ПОРТРЕТОВЪ ЗНАМЕНИТЫХЪ ХУДОЖНИКОВЪ.

Художественное воспроизведеніе картинъ работы Р. Голике и А. Вильборгъ, Поставщиковъ Двора Его Императорскаго Величества, УДОСТОВЕРЕННЫХЪ ВЫСШИХЪ НАГРАДЪ НА ВСЕМИРНЫХЪ ВЫСТАВКАХЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:
НА ГОДЪ:—100 картинъ въ 12-ти выпускахъ—12 руб.; НА ПОЛГОДА—50 картинъ въ 6-ти выпускахъ 6 руб.—На меньшіе сроки подписка не принимается.

Принимая во вниманіе, что многокрасочныя репродукціи въ издаваем. размѣрѣ (34×23 см.) исполняются въ художественныхъ салонахъ по одному рублю за экз. мпаянъ, а въ переживаемое время значительно дороже, подписавшися получаютъ въ лучшемъ изъ фактѣ громадную галерею картинъ, цѣнность которыхъ превышаетъ годовую подписную плату болѣе чѣмъ на 100 рублей.

Редакція „Миръ Красоты“:
Петроградъ, Суворовск., соб. д. 41.

Редакторъ-издатель
И. В. Корейный.

4-й годъ
изданія.ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА4-й годъ
изданія.

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

ТРИ ЦѢННЫХЪ ПРЕМИИ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ (безъ доставки) 6 руб. 80 коп., съ пересылкой и доставкой 8 руб., на полгода 4 руб., на 3 мѣс. 2 руб., на 1 мѣс. 70 коп.

ЦѢНА за объявленія — непарель 1 строка 80 коп.
Адресъ конторы и редакціи: Петроградъ, Невскій, № 88. Телефонъ 59-07.

1-я премія

ВСЕЛЕННАЯ И ЧЕЛОВѢЧЕСТВО

при участіи и подѣ редакціей
маститыхъ сатириконцевъ.

Солидное, фундаментальное изданіе.

2-я премія

- 1 ориг. картина РЕ-МИ (въ краскахъ).
- 1 оригинальная картина А. РАДАКОВА (въ краскахъ).

Сюжеты этихъ картинъ настолько захватывающіе, что мы боимся ихъ сейчасъ опубликовать: сейчасъ же другіе захватятъ...

- 2 рисунка МИССЪ (силуэты въ красочныхъ медальонахъ).

ОТЪ РЕДАКЦІИ:

Не ѣшь, не пьешь, ночей не спишь... Все сидишь и думаешь какъ бы сдѣлать такъ, чтобы подписчикамъ было лучше. И вотъ — придумали.

Подписчику, конечно, весьма любопытенъ весь ходъ нашихъ мыслей и мнѣній по этому поводу.

На торжественномъ засѣданіи кто-то предложилъ:

— Давайте, дадимъ въ премію полное и подробное описаніе брюнетовъ, какъ таковыхъ.

— Идея. Только почему же описывать однихъ брюнетовъ; давайте опишемъ и брюнетокъ.

— А, по моему, эту идею надлежитъ развить шире: опишемъ всѣхъ русскихъ брюнетовъ, блондиновъ и шатеновъ.

— Можно еще больше расширяться, при чемъ тутъ цвѣтъ волосъ: дадимъ, вообще, описаніе русскаго человѣка.

— Эхъ-ма! — въ samozабвеніи крикнулъ секретарь. — Да чего тамъ: опишемъ всѣхъ европейцевъ.

— Европейцевъ? — прищурился поэтъ. — Берите шире: надо дать изслѣдованіе обо всемъ современномъ человѣчествѣ. И всталъ тогда маститый редакторъ.

— Вотъ что, господа, — началъ онъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ. — Я знаю, что работа наша будетъ гигантская, сверхчеловѣческая! Но... останавливались ли мы когда-нибудь передъ этимъ? Нѣтъ. И такъ, я предлагаю еще больше раздвинуть рамки нашей преміи... Дадимъ... „ВСЕЛЕННУЮ И ЧЕЛОВѢЧЕСТВО“!!

Это былъ незабываемый моментъ. Многіе плакали...

Вотъ, благодаря этому удивительному по красотѣ жесту, **всѣ годовые подписчики и получаютъ:**

52 НОМЕРА обильно иллюстрированного рисунками и карикатурами журнала.

1 БОЛЬШОЙ
ТОМЪ „Вселенная и Человѣчество“.

4 КАРТИНЫ, изъ нихъ двѣ исполненныя по способу трехцвѣтной печати,

а именно:

2 КАРТИНЫ Ре-ми и А. Радакова.

2 КАРТИНЫ (силуэты въ красочныхъ медальонахъ) Миссъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на 1 годъ безъ доставки **10** рублей; съ доставкой и пересылкой: на 1 годъ — 11 руб.; на $\frac{1}{2}$ года — 5 руб. 50 к.; на 1 мѣс. — 95 к.

Допускается разсрочка: при подпискѣ **5** руб., 1-го мая **3** руб., 1-го сентября **3** руб.

Адресъ редакціи и конторы: Петроградъ, Невскій, 88. **Телефонъ 59-07.**

Редакторъ: Аркадій Аверченко.

Издатель: Т-во „Новый Сатириконъ“.

СЕЗОНЪ ТЕАТРАЛЬНЫХЪ СКАНДАЛОВЪ.

Рис. Б. Антоновскаго.

Городничій: — Ахъ, вы — аршинники, самоварники, каналы, протобестіи! Надували морскія!

Нервная зрительница: — Пойдемъ скорѣй, Вася... Опять начинается скандалъ. Опять актеры ругаются...

Проектъ новой постановки „Фауста“ съ участіемъ сердитаго Ѳ. И. Шалапина.